

Станиславский К.С.
(срессиване)

28.10.09

фестиваль

ирландец по-болгарски

«Сезон Станиславского»
начался с «Человека-подушки»

Писатель Катурян (Пенко Господинов) оказался пленником стеклянной камеры, и в любой момент ему может достаться пуля Фотограф: Виктор Сенцов

Газета — 2004 — 28 октября — С. 15.

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Премия имени Станиславского, людьми театра весьма уважаемая и ценяемая, решила свой десятилетний юбилей отметить как-нибудь особенно ярко. Самый запоминающийся способ — устроить фестиваль хороших спектаклей. Фестиваль «Сезон Станиславского» растянется на полтора месяца, а первыми гастролерами, посетившими Москву, стали болгары: в Театре Луны был показан их спектакль «Человек-подушка».

Ставка делалась на тех, кто в прошлые годы уже получал Премию имени Станиславского, и из-за этого фестивальная программа оказалась укомплектована по большей части московскими имена-

ми — имеются в виду последние спектакли, например Камы Гинкаса, Петра Фоменко, Сергея Женовача. Но самое вкусное — как всегда, десерт: 6 и 7 декабря Москва увидит «Песню песней» Эймун-

таса Някрошюса, после чего фестиваль закроется. Из другого немосковского следует назвать питерский «Дон Жуан» в постановке Александра Морфова и новосибирское «Двойное непостоянство» в постановке Дмитрия Черныкова.

Имена для столичной публики, как видите, все сплошь знакомые. Чего не скажешь о спектакле, которым начался «Сезон Станиславского». Совсем неизвестный нам болгарин Явор Гырдев поставил в варненском Театре им. Стояна Бычварова пьесу совсем неизвестного русскому зрителю ирландца Мартина Макдоны. За проведенный ликбез болгарскому режиссеру стоит сказать спасибо: в Соединенном Королевстве драматург Макдона сейчас один из самых модных, а его *Pillowman*, по версии премии Лоуренса Оливье, — лучшая пьеса этого года.

По ходу знакомства с «Человеком-подушкой» понемногу начинает казаться, будто сама пьеса составлена из множества подушек и подушечек, аккуратно приткнутых друг к другу. Вытащи одну — и вся перопуховая конструкция мягко осядет. Сюжетные «подушечки» подобраны Макдоной и изобретательно, и любовно: пьеса целиком сконструирована из страшных сказок, сочинитель которых попал в полицию по подозрению в детоубийствах.

Вот одна из самых показательных сказок, давшая пьесе название. Жил-был на свете добрый Человек-подушка, помогавший маленьким детям покончить с собой. Просто он, чье тело состояло из одних лишь подушек, умел провидеть будущее и заранее ведал, кто из детей, повзрослев, станет жертвой суицида. Так не лучше ли заранее избавить человека от страданий, подарив ему мучительную смерть вместо мучительной жизни? Сказки писателя, угодившего в кутузку, имеют между собой одно сходство — почти все кончаются смертью ребенка. Литература литературой, но слабоумный брат писателя воспринял творчество старшего как прямое руководство к действию, и в городе стали находить детские трупы. Дескать, слово может убить — слышали, небось, про такое?

Мотив причудливого взаимодействия искусства и реальности для постмодернизма — один из любимейших, и Макдо-ну, как бы искусен он ни был, не назовешь первооткрывателем. В глубины человеческого «я» он и не думает лезть, а просто увлеченно играет с литературными жанрами. Всего лишь битва с пыльными подушками, не более. Режиссер Явор Гырдев обошелся с пьесой Макдоны так, как она того заслуживает: заключил всех палачей и жертв, описанных драматургом, в стерильное застекло-лье и рассадил зрителей по периметру прозрачного куба. Порой зрителям кажется, что они присутствуют где-то в студии звукозаписи, а умные и умелые актеры за стеклом записывают какой-то любопытный радиоспектакль. Надо бы еще табличку, что ли, подвесить: «Тихо, идет эксперимент».